

ОСОРГИНА Е. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АЛЕКСЕЕВА *Елизавета Владимировна*, родилась в 1863. Получила среднее образование. Вышла замуж за *Константина Михайловича Алексеева*, генерала русской императорской армии от инфатерии, в семье — дочь *Елена*, с 1917 — вдова (муж скончался); получила пенсию за мужа. После 1918 — лишена пенсии, проживала в семье дочери в Москве. 11 июня 1929 — арестована, 26 июня освобождена с ограничением проживания и прикреплением на 3 года (-6). Поселилась с дочерью и внуком в Сарапуле Уральской области.

ОСОРГИНА (урожд. *Алексеева*) *Елена Константиновна*, родилась в 1880-х (отец *Алексеев Константин Михайлович*, генерал от инфатерии; мать, *Алексеева Елизавета Владимировна*). Получила домашнее воспитание. Вышла замуж за офицера русской императорской армии *Осоргина*, в семье — сын, с 1919 — вдова (муж воевал в Красной армии и погиб на фронте). Проживала с сыном и матерью в Москве, зарабатывала случайными заработками. 18 июня 1929 — арестована, 26 июня освобождена с ограничением проживания и прикреплением на 3 года (-6). Поселилась с матерью и сыном в Сарапуле Уральской области. В июне 1930 — обратилась за помощью к *Екатерине Павловне Пешковой*.

«12 июня 1930 г<ода>.
г<ород> Сарапул

Уважаемая *Екатерина Павловна*

Обращаюсь к Вам с большой просьбой, как к матери родной. Не откажите и похлопочите о нашем возвращении в Москву или, в крайности, об отпуске мне или маме на месяц с правом въезда в Москву.

В июне 1929 г<ода> арестовали мою маму, а через несколько дней меня. Обоих нас выслали административно, продержав в Бутырке, в г<ород> Сарапул, не предъявив никакого обвинения.

До своего ареста, я была у тов<арища> *Винавера*, хлопоча о маме, 67 лет, *Елизаветы Владимировны Алексеевой*, проживавшей в г<ороде> Москве на Мало<м> Спасо-Болвановском, д<ом> 27. Но так как сама ничего не узнала, то и объяснить толком не могла.

После того, как маму выпустили на 10 дней в последних числах июня прошлого года, мама была у Вас и лично просила заступничества за себя и за меня, содержащейся в Бутырке и оттуда отправленной этапом в Сарапул.

За что нас обеих выслали административно, мы по сие время не знаем. Но предполагаем, что в связи <с> жилищной склокой, прошедшей в доме, где мы жили с 1912 г<ода> на квартире.

Никогда ни в каких склоках мы не участвовали. Но в доме часто отыгрывались на нас, как на буржуазном элементе. Так вышло, вероятно, и теперь.

Председательница дома, т<оварищ> *Патрикеева*, член партии, кавалер ордена Красного Знамени, контуженная в голову и часто по болезни страдающая манией преследования, подралась, сводя свои счеты, с женой рабочего и женами мелких служащих.

Патрикеевой, вероятно, захотелось создать дело вроде *Колчаковщины*, где она являлась страдающей.

Имея большие связи в Замоскворецком Нар<одном> суде, так как ее муж судья, передала дело в разные инстанции для обследования. Несмотря на то, что обследователи опрашивали односторонне, но все же было вынесено ими мнение, что мы не причастны ни к какой склоке. Но в

результате, вероятно, под давлением самой Патрикеевой и ее мужа сказано, что нас надо выселить, как буржуазный элемент из дому, а хулиганок выслать из Москвы.

Нар<одный> суд, осудив хулиганок, дравшихся с Патрикеевой, вынес решение, что мы не виноваты, но наше дело почему-то выделили. Всем было ясно, что при разборке его нас оправдают, но до слушания дела была арестована мама, а затем я, и высланы через ГПУ.

Я, вдова красноармейца, погибшего на фронте, защищая Советскую власть. Одно время служила и была членом профсоюза. Но некоторые лица в начале прошлого года постарались меня снять из профсоюза, чтобы легче было отыгрываться на мне. Часто я была без работы по болезни. Я парализована и нервно разбитый человек. Образование получила домашнее из-за вечных болезней. Усиленным умственным трудом не могу заниматься, а физический мне абсолютно не под силу. Отец мой был генералом, вышедшим в отставку в 1912 г<оду> и до смерти <в> 1917 г<оду> живший без выезда в Москве. Занимал он только строевые должности вплоть до командира корпуса. До этого очень короткое время папа исполнял обязанности генерал-губернатора, когда тот отсутствовал, а потом возвратился к своей дивизии. Пользовались мы с мамой всегда избирательным правом, несмотря на то, что нас лишали, но избирком восстанавливал.

Социальное наше положение, значит, таково. Я вдова красноармейца, а мама генеральша, жившая после папы на пенсию, а когда ее у нее отняли, то на моем иждивении. Жили мы на иждивении моего мужа, а после его смерти на мой заработок от службы или случайный заработок в смысле шитья и т<ак> д<алее>, и отчасти распродавая кое-что из имущества.

По совпадению фамилии папу иногда путали с наместником на Дальнем Востоке или начальником штаба у Деникина. Папа никогда не был ни тем, ни другим, и они нам не родственники даже.

Теперь, при нашем аресте, после тщательных обысков, у нас не нашли ничего запретного и особо ценного, так как никогда не имели такового. Те золотые вещи, которые у нас всегда были и всем известны, взяли со мной в ГПУ и мне вернули, когда шла на этап, неприкосновенными. И имущество все нам оставили целиком.

По нашем выезде из Москвы вещи наши, оставленные мамой на хранение в доме, где мы жили, разграблялись неоднократно, так что нас оставили совершенно без платья, белья и теплой одежды, и мы с мамой при тридцати градусах мороза ходим по очереди в одной рваной ваточной кофте, не имея средств сшить что-либо.

В апреле нынешнего года узнала, что часть вещей наша бывшая председательница сдала в утильсырье, несмотря на то, что ей никто их не поручал, а Морозовой.

А в мае месяца 23-го получила извещение, что оставшиеся вещи у Морозовой в ее личной квартире и ее сарае устроили так, что их вывезли, неизвестно на каком основании (кажется, фин<ансовом> инспектором) в склад Мосторга, тогда как мы никогда не облагались налогом и выписаны из Москвы уже год целый.

Но те вещи, которая Патрикеева забрала самовольно к себе в комнату, остались у нее.

Теперь мне надо хлопотать о возврате вещей, т<о> е<сть> всей обстановки и вещах, близких сердцу.

Блиzkих людей, могущих заняться этим, у нас нет. Можно вернуть и спасти что-либо только личными хлопотами. Обращалась в местное ГПУ, прося предоставить мне месячный отпуск, но получила отказ.

Телеграфировала 31/V прокурору ОГПУ тов<арищу> Катаняну, прося о том же, тоже получила отказ.

Теперь у меня единственная надежда на Ваше заступничество и ходатайство. Ради Бога, похлопочите о нас, чтобы сняли с нас высылку, минус шесть на три года или, в крайнем случае, дали мне или маме возможность въезда в Москву на один месяц для устройства дел. Спасти вещи, хоть часть, вывезенные по недоразумению в склад Мосторга, несмотря на то, что они не были бесхозными. Возможно это только лично сделать и все лишнее ликвидировать, а оставшееся перевести сюда.

Здесь мы формально гибнем без всяких средств к существованию. Работы нет. Не берут на работу, как высланную. Знакомых, родных нет, чтобы помогли, накормили.

Живу со своим сыном 10 лет и матерью 68 лет. Часто нет куска черного хлеба на пропитание.

Сына мне надо ставить на ноги, но он формально гибнет с голоду, а зимой с холоду, не говоря про его тяжелое моральное состояние. Мать совсем зачахла. А я не в силах им обоим помочь, да и сама еле двигаюсь из-за всех неприятностей, отражающихся на нервной системе. Состояние всех ужасное. Помогите нам и этим спасете троих от преждевременной смерти.

Если мне не дадут отпуск, то, может быть, маме дадут. Она ни разу не просила еще.

Маму арестовали 11 июня, меня 18 июня, а решение Коллегии о выселении нас было 26 июня прошлого года. Очевидно, еще до ареста наша судьба была решена. Номер нашего дела 4707.

Очень прошу известить о том, что удастся сделать для нас по адресу: г<ород> Сарапул Уральской области, Красный спорт, 25.

Искренно уважающая Вас
Ел<ена> Кон<стантиновна> Осоргина.

11/VI-30 г<ода>»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 542. С. 300-301. Автограф.